

Виктория Билявская,
ЖГУ им. Ивана Франко,
Житомир

ДНЕВНИК, ПУТЕШЕСТВИЕ И ПИСЬМО В СИСТЕМЕ ЖАНРОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ МЕМУАРИСТИКИ ЕВЫ ФЕЛИНСКОЙ

Разнообразным жанровым модификациям, возникшим в системе мемуаристической литературы украинско-польского пограничья середины XIX в. вследствие трансформаций генологической парадигмы Просветительства под воздействием новых веяний как романтизма, так и позитивизма, был свойствен процесс «миграции» жанров на межвидовом уровне, что способствовало активным родовидовым контаминациям, появлению «старых» жанров в «новых» генологических образованиях. Мемуаристика Е. Фелинской, как органическая составляющая процессов, распространявшихся как в европейском пространстве, так и на украинском Правобережье Днепра, также испытала веяние новых эстетических тенденций эпохи. В пределах одного текста волянянки были имплементированы и органично функционировали созвучные мемуаризованные жанры, среди которых дневник, путешествие, письмо, а также сказки, публицистические, этнографические и географические статьи, рецензии и тому подобное.

Жанровая модификация сибирского дневника, художественное пространство которого охватывает в территориальном измерении с. Березово Тобольской губернии, названный автором как «Дневник, написанный в Березовом» [3]. Ему присуща ассимиляция разных по структуре и содержанию жанровых доминант. В воспоминаниях автор в собственном сознании выполняет одновременно две операции: принимает сознание «я» из перспективы настоящего времени с более богатым опытом часовой дистанции и воплощается в сознание героя: себя на разных этапах прошлого [8, с. 26].

В рамках текста «Дневника, написанного в Березове» существуют датированные события, заметки из повседневной жизни ссыльного, материалы, касающиеся обычаев и традиций, как поселенцев, так и коренных жителей. Жанровая контаминация, присущая генологической парадигме литературы периода романтизма, позволила автору поместить в художественный текст без вреда для его структуры «Отрывок из письма Паулинка» [5, с. 135–137], что имеет характеристики, свойственные эпистолярному стилю. Как отмечает С. Серотвинский, «текст письма представляет собой самостоятельный коммуникат, закрытую и достаточно схематическую

структуру. В теоретическом плане в эпоху романтизма функционировали классические схемы создания писем. Форма письма, употребленные обороты и формулы зависели от адресата и цели написания» [10, с. 167]. Согласно правилам риторики письмо реализуется в композиционной схеме, которая состоит из общепринятых европейской традицией элементов, а именно *salutatio* – приветствие, *captatio benevolentiae* – выявление благосклонности или же вступление, *narratio* – собственно текст письма, *conclusio* – окончание и *petitio* – подпись [11, с. 211].

«Отрывок из письма Паулинки» [5, с. 135–137], размещенный на страницах «Воспоминаний из путешествия в Сибирь...» Е. Фелинской, отмечается определенной фрагментарностью, потому лишенный частей *salutatio* и *captatio benevolentiae*. Очевидно, автор, имеющая блестящее для женщины того времени образование, сознательно пошла на этот шаг, ведь во времена романтизма это были в общих чертах известные и принятые традиционные формы. Текст письма дочери к матери сразу начинается с части *narratio*, что позволяет мемуаристу сохранять высокую эмоциональную тональность на относительно одинаковом уровне. Наличие максимальной степени экспрессивности было характерной чертой для эпистолярия эпохи романтизма. Пластика описания испытала мощную индивидуализацию, которая была направлена не на воссоздание, а на переживание целого спектра эмоций адресатом. Как пишет Д. Гжешак, в эпистолярной XIX в. находим характерные признаки, которые будут сближать его с дневником, мемуарами и автобиографией, среди которых наличие наррации от первого лица, определена часовая дистанция к событиям, которые описываются, а также неразделимость объектного и субъектного миров [7, с. 24–25], что собственно и объясняет причины размещения Е. Фелинской письма в тексте «Воспоминаний из путешествия в Сибирь...» без нарушения структуры и общего мемуаристического звучания.

Тональность жанра частного письма, лейтмотивом которой является тоска ребенка по матери, делает мемуаристический текст глубоко интимным, что позволяет наделить читателя ролью не отстраненного безразличного реципиента, а человека, способного сопереживать. Подобное проявление интимности называем *sensu stricto* – чувство, впечатление или события, которые не предназначены для широкой общественности читателей, а направлены лишь на узкий круг ближайших лиц. Мемуарист сознательно нарушает интимность письма дочери имплементацией его в текст «Воспоминаний из путешествия в Сибирь...». Это должно было повысить доверие читательской аудитории к тексту.

Будничность ссылки не является центральной темой в корреспонденции и появляется лишь изредка и по выразительной просьбе адресата (письма дочери Виктории). Эпистолярное наследие семьи Е. Фелинской того периода не имеет черт мученичества, а только очарование будущего мемуариста культурными отличиями экзотических пространств.

С последующим переводом Е. Фелинской в 1841 г. в Саратов, модификация сибирского дневника предусматривает изменение территориальной определенности, которая для автора существует как продолжение фиксирования сибирских реалий, хотя мемуарист и отмечает, что «поволжская околица, куда я приехала, покинув берега Сосьвы, не имеет настолько серьезных признаков чужой цивилизации, как Березово, однако она интересна с многих точек зрения, и для нас малоизвестна, как и зауральский край» [6, с. 7]. Изменение места пребывания Е. Фелинской не отражается на композиции «Воспоминаний из путешествия в Сибирь...». Подобное явление позволяет допустить, что, во-первых, модификацию сибирского дневника стоит понимать не в плане пространственной доминанты, а в качестве авторской принадлежности, то есть дневник ссыльного. Факт переезда Е. Фелинской в Саратов не изменяет ее социального положения узника, потому и продолжается написание сибирского дневника. Во-вторых, мемуаристка сознательно прибегла к такому шагу для удерживания читательской заинтересованности, ведь «сибирский дневник» звучит более экзотически и необычно, чем, скажем, саратовский. В композиции территориальное перемещение обозначено лишь в датировании, оным Березово изменено на Саратов.

Условия пребывания Е. Фелинской на поселении в городке наложили определенный отпечаток и на организацию текстового массива второго и третьего томов «Воспоминаний о путешествии в Сибирь...». Кроме упомянутых перемещений из Березова в Тобольск и дальше в Саратов, названных в характерной для автора манере путешествиями, способом организации текста и разделением его на отдельные части есть датирование с учетом дней и лет. Хотя и принимаем авторское определение «путешествие», но формальные показатели позволяют говорить о дневнике из путешествия, а вынужденное передвижение в пространстве наделяет признаками принудительности, определяющими в целом жанровую модификацию как «дневник из принудительного путешествия». Территориальный критерий не влияет на жанровое определение, поскольку для Е. Фелинской продолжается передвижение в чужом – враждебном пространстве, без разницы Сибирь ли это, или другие регионы Российской империи. Во временном плане пребывание в Саратове охватывает два с половиной года, от 1841 г. до середины 1844 г., а

сибирский дневник из принудительного путешествия приобретает черты статичности и изменяет характер наррации. Это соответствует поэтике жанра, что проявилось в двух тенденциях: как хронологическая фиксация событий во время передвижения в пространстве, что является своеобразным генологическим синтезом между путешествием и дневником.

В третьем томе «Воспоминаний из путешествия в Сибирь...» описание душевных переживаний связанных со смертью дочери Паулины является чуть ли не единственным открытым и откровенным проявлением авторских чувств. Эмоциональная сдержанность, всегда считавшаяся приметой хорошего воспитания, присуща воспоминаниям о пребывании мемуариста в Саратове, лишают дневник Е. Фелинской этого периода признаков приватности и личностности. По большей мере дневник посвящен особенностям жизни представителей высшего сословия как польского, так и русского общества, проживавшего в Саратове. Новыми для тематики воспоминаний этого периода являются авторские впечатления от визитов к самым богатым и самым влиятельным семьям Саратова, среди которых Столыпины, Фадеевы и др., описания интерьеров и различных форм свободного времяпровождения представителей высшего общества: игры, карнавалы, любительские театры и тому подобное.

Оригинальным завоеванием правобережной генологической таксономии стала модификация «путешествия по родному краю», появление которого было обусловлено вызовами времени, когда у правобережного жителя возникла потребность познать свой регион, который до этого времени собственно для него был в прямом значении *terra incognita*. Кроме того, для рядового правобережца вообще малопонятной была необходимость передвижения по родному краю лишь ради впечатлений. Поэтому не случайно путешествие по родному краю содержало паралитературные сведения по метеорологии, статистики, истории, этнографии и др., и имели, так сказать, обиходно-бытовую ценность. Главной особенностью правобережного путешествия была, прежде всего, ориентация на правобережного читателя. Рефлексии автора содержали сведения о жизни региона, его известных жителях, результаты анализа событий и оригинальных случаев. Одной из форм воплощения таких заданий у путешествия по родному краю было снижение патетики, отсутствие риторического подъема, что, в свою очередь, упрощало стиль повествования от монументально-высокого к обыденному. Как пишет В. Ершов, в тексте происходили противопоставления «высоких» рецепций оксидентального или ориентального путешествия текущим, бытовым и региональным, имевшие генетическую связь с летописями,

хроникой и другими исторически-документальными жанрами региона [1, с. 108].

В «Мемуарах из жизни» Е. Фелинской жанр путешествия органично вплетен в структуру текста собственно мемуаров. Формальными показателями презентации передвижения автора в пространстве являются заглавия разделов, среди которых «Прибытие в Голынку», «Путешествие в Боратичи», «Возвращение из Боратич», «Отъезд из Узноги», «Прибытие в Воютин» и др. и несколько отличительная, обозначенная прежде всего географической, а не топонимической составляющей – «Путешествие по Полесью». Стоит заметить, что в этих селах имелись усадьбы многочисленных родственников Е. Фелинской, в семьях которых и воспитывалась будущая мемуаристка. Узнога принадлежала тете Пеликше, Голынка – дяде Станиславу Вендорффу, Боратичи – двоюродной сестре Еве Шемешевой и ее мужу Адаму, а Воютин, владение Герарда Фелинского, стал родным домом для будущей писательницы, именно здесь автором позже были созданы выдающиеся «Воспоминания из путешествия в Сибирь...» и «Мемуары из жизни». В территориальном плане Боратичи, Голынка и Узнога были частью Минской губернии, а Воютин – Волынской. Эти топонимы стали координатами в пределах которых происходили путешествия Е. Фелинской, представленные на страницах мемуаров.

Е. Фелинская расширяет рамки характеристик, свойственных жанровой модификации путешествий по родному краю, создавая сложно организованный по своей структуре, многокомпонентный образ дороги, который аккумулирует параметры времени, протяженности и движения. Дорога становится основой интерпретации, которая начинается быстротекущей авторской перцепцией: «санная дорога, залитая водой и болотами», «дорога ровная, широкая, с верстными и мильными столбами», «узкие дороги, лесная местность» [4, с. 21]. Дальнейшее развитие образа зависит от типа его формирующего пространства. Жанровая модификация путешествия в «Мемуарах из жизни» Е. Фелинской призванная выполнять двойную функцию: с одной стороны, – организует, синхронизирует, упорядочивает текст, направляя его развитие в сторону событийности. С другой, – создает семантическое поле для интерпретации, выступая в качестве некоторого декодирования дальнейших фрагментов и зависит от того, в каком хронотопе функционирует. На рустикальном фоне – это пейзажно-этнографическая зарисовка, а в пределах урбанистического пространства – масштабное, аналитическое, перерастающее в многоуровневый образ изложение. Чрезмерная детальность в презентации пространства, как характерный признак стиля

«Мемуаров из жизни» Е. Фелинской, объясняется желанием автора элементы тогдашней действительности, которые не сохранились в памяти, компенсировать дагерротипной образностью.

В «Воспоминаниях из путешествия в Сибирь...» Е. Фелинской присутствует жанровая модификация принудительного путешествия, охватывающая во времени этапирование автора из Киева в Тобольск и Березова, как окончательного места ссылки, а также обратное передвижение из Березова в Тобольск и дальнейшее перемещение мемуариста в Саратов.

Таким образом, жанр дневника, какой характерный лишь для «Воспоминаний из путешествия в Сибирь...», представленный модификацией дневник из принудительного путешествия и бытовым дневником, который наиболее полно позволяет мемуаристу презентовать особенности своего пребывания в ссылке в Березове и Саратове. Жанр путешествия реализуется в жанровой модификации путешествие по родному краю для «Мемуаров из жизни» и принудительного путешествия – для «Воспоминаний из путешествия в Сибирь...». Жанровая дефиниция, которая может быть выделена на основе гендерного признака, – женский дневник или женское путешествие не является приоритетным, потому что не объясняет из этой точки зрения практически никаких авторских рефлексий, не суживает исторический фон, на котором разворачиваются представленные события, и не ограничивает спектр проблематики сферой женской экзистенции XIX в.

Литература

1. Єршов В. О. Польська мемуаристична література Правобережної України доби романтизму / В. О. Єршов. – Житомир: Полісся, 2010. – 454 с.
2. Щоденник // Літературознавча енциклопедія: у 2 т. – Т. 2. / Авт.-уклад. Ю. І. Ковалів. – Київ: ВЦ «Академія», 2007. – 624 с. – С. 592–593.
3. Felińska E. Dziennik spisany w Berezowie // Felińska E. Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie. – Wilno: Nakładem i drukiem J. Zawadzkiego, 1852. – Т. 1. – 348 s. – S. 75–348.
4. Felińska E. Pamiętniki z życia Ewy Felińskiej. Seria II / E. Felińska. – Т. 1. – Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1856. – 420 s.
5. Felińska E. Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie / E. Felińska. – Wilno: Nakładem i drukiem J. Zawadzkiego, 1852. – Т. 1. – 348 s.
6. Felińska E. Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie / E. Felińska. – Т. 2. – Wilno : Nakładem i drukiem J. Zawadzkiego, 1852. – 304 s.
7. Grzesiak D. Struktura listu romantycznego (na przykładzie epistolografii F. Chopina, A. Mickiewicza, J. Słowackiego i C. K. Norwida) / D. Grzesiak // Sztuka pisania: o liście polskim w wieku XIX / pod red. J. Sztachelskiej i E. Dąbrowicz. – Białystok: UwBiałymstoku, 2000. – 507 s. – S. 19–31.
8. Lubas-Bartoszyńska R. Style wypowiedzi pamiętnikaskiej / R. Lubas-Bartoszyńska. – Kraków: Wydawnictwo naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1983. – 224 s.

9. Sienkiewicz K. Dziennik podróży po Anglii 1820 – 1821 / K. Sienkiewicz. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2007. – 351 s.
10. Sierotwiński St. Słownik terminów literackich : teoria i nauki pomocnicze literatury / St. Sierotwiński. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970. – 411 s.
11. Skwarczyńska S. Teoria listu / S. Skwarczyńska. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. – 427 s.